

Николай Семёнович Лесков

Карикатурный идеал

Николай Лесков

Карикатурный идеал

«Public Domain»

1977

Лесков Н. С.

Карикатурный идеал / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1977

Статья посвящена оценке книги Ф. В. Ливанова «Жизнь сельского священника. Бытовая хроника из жизни русского духовенства» и является ценным свидетельством его серьезных расхождений с лагерем идейной реакции к концу 70-х годов. Лесков высмеивает не только надуманное, чуждое подлинного знания жизни произведение Ливанова, но и те низкопробные приемы реакционных беллетристов, которые они применяли в своих нападках на радикальных демократических деятелей, на прогрессивную молодежь.

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9
Комментарии	

Николай Семенович Лесков

Карикатурный идеал

Утопия из церковно-бытовой жизни (критический этюд)

I

Есть сочинения, которые настойчиво требуют критической оценки, не по их литературному значению (которого они могут и совсем не иметь), а по свойству затрагиваемых ими вопросов и по условиям времени, при которых они появляются в свет. Таково во всех отношениях недавно вышедшее сочинение имеющего довольно своеобразную известность московского писателя Ф. В. Ливанова. Книга эта называется «Жизнь сельского священника – бытовая хроника из жизни сельского духовенства»; она мне кажется достойною разбора, которому я и посвящаю наступающие строки.

Мне, может быть, не следовало бы писать об этой бытовой хронике, потому что я сам напечатал хронике под заглавием «Соборяне»; но моя хроника представляла совсем иное время – в ней описан не век нынешний, а век минувший, – «догорающие свечи *старой поповки*», которой ударил час обновления. Я не намечал новых типов и, по совести говоря, убежден, что это еще невозможно: типы эти еще не выработались, не определились, и художественное воспроизведение их не может дать ничего цельного. Конечно, среди епархиального духовенства по местам обнаруживается весьма заметное и давно желанное оживление, но все это пока еще – как тесто на опаре – пузырится и всходит, а мудрено сказать, каково оно выходит. Я всегда был того мнения, что воспроизведением новых типов из духовенства лучше не торопиться и подождать, но ожидание, вероятно, так утомительно, что после моих «Соборян» явились уже две хроники с «новыми попами», – одна принадлежит перу светского человека и называется «Изо дня в день, – записки сельского священника»¹, другая – едва не погибшая в муках рождения – предлежащая нам книга Ливанова. О первой из этих книг совсем нельзя говорить, потому что автор ее вовсе не владеет знанием условия быта, который он хотел воспроизвести; во второй же, написанной г. Ливановым, есть и знание быта, и есть нечто иное, тоже весьма ценное: это, если можно так выразиться, субъективная объективность автора в воспроизведенном его фантазиею идеале нового сельского священника. Сочинить такой идеал и такие положения, какие придуманы г. Ливановым, может только пылкий, мечтательный семинарист, знающий скорби духовного быта, но имеющий слишком поверхностные и уносчивые понятия о средствах для выхода из области этих скорбей. Но и самые, как говорят, «фантазировать» семинаристы, грезящие такими мечтами в свои юные годы, не доносят их до конца семинарского курса, а г. Ливанов сохранил эти мечтания до своего солидного возраста и изданием этой книжки стремится к их распространению среди читателей, которых, по заявлению этого писателя, у него чрезвычайно много.

Его книжка, всеконечно, может быть прочитана людьми, которые заметят близкое и довольно основательное знакомство автора с одной (отрицательную) стороною бытовой жизни сельского духовенства и, может быть, не сразу отличат сильную фальшь, какая находится в других частях хроники.

---

¹ Этой книжке сделана была критическая оценка в «Страннике» за 1876 г. (см. рецензию Пр-пова в январской книжке, стр. 15–22). (Прим. автора.)

Задача настоящей статьи: показать по возможности серьезность представленного в хронике *«идеала нового сельского священника»*, его борьбы, поражений, побед и окончательного торжества. Задача эта не может быть бесплодна в наши дни, когда тип «нового человека» на месте приходского пастыря действительно формируется, но еще неясен. Самый же предмет так жив и благодаря г Ливанову поставлен так забавно, что читатели «Странника», конечно, не соскучатся и не посетуют за являющийся пред ними отчет об оригинальном новаторе сельского прихода.

II

История начинается в губернском городе с приездом туда из Петербурга нового архиерея Хрисанфа, который до того был в Петербурге ректором... Читателю может показаться это чем-то знакомым? – конечно, – имя архиерея и его прежнее служение с первого же раза что-то и кого-то напоминают; но таких сюрпризов впереди еще мною, и потому не будем на этом останавливаться.

Новый архиерей Хрисанф не говорит ректору семинарии, «как прежние» (стр. 3): «что за вздор ты несешь» и даже «дурак». Он очень мягок и благороден. – Происходит публичный экзамен, на котором присутствует, между прочим, «светская девушка, племянница советника губернского правления, Вера Николаевна Татищева». Племянницы советников губернских правлений, «светские девушки», – разумеется, «светские» только в том же смысле, как всякая девушка не из духовенства; но как автор понимает эту «светскость», – неизвестно. Кажется, он ее понимает не совсем так. Тут же, на семинарском экзамене, сидят «дамы высшего круга», – они «говорили с важными господами и *нюхали букеты*» (5). Автор полагает, что «дамы высшего круга» все нюхают букеты и, получив малосвойственное им желание посетить семинарский экзамен, непременно и там будут «нюхать букеты». Это, конечно, свидетельствует о его полном незнакомстве с обычаями «дам высшего круга», которых он без всякого для себя ущерба мог бы и не описывать; но это теперь модная слабость наших писателей, из коих один, вероятно, столь же, как и г. Ливанов, знакомый со «светом», писал: «Я, как все великосветские люди, встаю поздно и сейчас же иду в трактир пить чай». На экзамене отличается студент Алмазов, производящий сильное впечатление на «светскую» племянницу советника Веру Татищеву. Фамилия «*Татищева*» опять может показаться поставленной так же нецеремонно и неловко, как и имя архиерея Хрисанфа; но уже это у автора такая привычка, которая неизвестно куда заведет его. Студент Алмазов – это будущий герой хроники, а Вера Татищева-героиня. Обед кончен, владыка Хрисанф уезжает, но... «в городских церквях не звонят» (6). Архиерей Хрисанф тоже новый тип: он не только доступен, прост и вежлив, но он отменил и трезвон во время своих переездов по городу.

«Я не хочу, – сказал он ключарю, – чтобы о моих обедах и закусках, о моих выездах в гости *трзвонили по городу*»^[1]

(7; курсив подлинника).

Отличившийся богослов Алмазов оказывается в затруднительном положении (11): он, во-первых, назначен в академию, во-вторых, влюблен в светскую девушку, а в-третьих, пред ним ежедневно почти валялся на коленях его горемыка отец, заштатный пономарь, умоляя сына не ездить в академию. Любовь ему приключилась на уроках, которые он давал в доме, где встретился с Верой Татищевой, «институткою петербургского Николаевского института» (12), которая уже «была в четырех домах гувернанткою» (13), что, пожалуй, не составляет для нее особенно хорошей аттестации. Впрочем, не удивительно, что она переменила так много мест: очень уже она бойка. Богослов влюбился в нее, когда она «в качестве племянницы советника много выезжала, видела много людей и пришла к заключению, что на свете больше скверных людей, чем хороших». Тут ей пообычался Алмазов, и она «решилась, сблизившись с ним короче, *развивать его*»... Это *развивание* институткою богослова как две капли воды напоминает известные нигилистические романы, где герои прежде всего друг друга «развивали». Но как же эта шустрая девица берется за восполнение того, чего с ее возлюбленным не умели сделать профессора семинарии? – Очень просто: она исполняет это по общеизвестному рецепту тех же нигилистических романов: она дает богослову читать книги Тургенева, Гоголя, Пушкина и Лермонтова, а «потом перешла к Шекспиру, Гете и Вальтер Скотту», и все кончено: «Алмазов, имея двадцать три года, вырос в год так, как не вырос бы в три года при рутинной

замкнутости семинарской жизни». Так многомошна оказалась эта институтка, поправившая над богословом «тупость семинарского учения». Дело еще больше поправил ее дядя-советник: он стал «вывозить» Алмазова в свет (13), и богослов, очутившись в обществе, «блестящее которого есть круги, но *умнее нет*» (15), стал совсем «разносторонне развитым человеком» (14). Одно еще не ладилось: богослов хотя и был уже влюблен в Веру, но только при всем своем «многостороннем развитии» и светскости никак не мог с нею об этом объясниться; а между тем ему надо было ехать в академию, и дело могло этим кончиться. Но тут в бойкой институтке «сказалась женщина» (15), – она взяла да просто-напросто и отрезала развитому ею богослову:

«Напрасно скрываетесь; вы влюблены в меня два года и теперь любите... Да?»

Он, бедный, не успел ей ничего ответить, как она ему сейчас же ткнула:

«Вот вам моя рука».

Тот сначала «сжал руку», и так «прошло долго, долго», потом «сжал еще крепче»; потом «хотел поцеловать, но не решился». Бедовая девушка видит, что он опять очень долго копается, и сама «позволила ему поцеловать руку», и сама «поцеловала его в голову». Богослов и замечтал, – и полезло ему в голову, что нет ему нужды идти в академию, потому что он и так может счастливо устроиться. Он будет образцовым приходским священником, а жена его образцовой сельской попадьею. Тут и начинают «фантазироваться» семинарские мечтания (18): «я делаю общие распоряжения, даю общие *справедливые пособия* (?), завожу фермы, сберегательные кассы, мастерские, и она с своею хорошенькою головкой, в простом платье, поднимая его над стройной ножкой, идет по грязи в крестьянскую школу, в сельскую больницу, к несчастному мужику и везде утешает...» Ее обожают, на нее смотрят как на ангела, на *привидение* (sic!). Она все это скрывает от мужа, «но я все знаю, – говорит размечтавшийся богослов, – я крепко обнимаю ее и крепко и нежно целую ее прелестные глаза, стыдливо краснеющие щеки и улыбающиеся румяные губы...» Автор очень кстати здесь ставит многоточие. Развитие Алмазова, как видите, уже несомненно (21): «в нем развилась *живая сила*, и он уже задается задачей быть *идеальным пастырем сельским* и в этом найти высокое наслаждение». Вот что сделала с молодым богословом институтка Николаевского института, – она дает нам «идеального сельского пастыря», а не духовная школа, от которой мы, как показывает г. автор, ждали этого совершенно напрасно...

Пусть так: станем смотреть в эту сторону – что сулит нам в устройстве нашего клира участие «николаевской институтки». Алмазов так расхотелся, что сейчас же написал Татищевой записку с предложением быть его женою, и послал эту записку «с мальчиком семинаристом». Этот бедный маленький Меркурий сейчас же слетал и примчал ответ: «приходите к нам сегодня вечером, – вопрос решится». Богослов «опрометью побежал» с вопросом: «да или нет?» Ответ, конечно, был: «да», и затем решено от академии отказаться и просить места сельского священника. Институтка так и рвется быть попадьею: ее влечет к этому (22) «общий голос, который признает жен священников *счастливицами*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Нужно заметить, что г. Ливанов, как видно, вовсе не знает того, что «трезвон» принято производить только тогда при проезде архиерея, когда он едет в церковь совершать божественную службу, во всех же остальных случаях он ездит по городу без звона. (Прим. ред. журнала)